

Феликс Кохрихт

Нас волновали одинаковые страсти...

Внимательные читатели наверняка заметили, что одна из самых знаковых цитат из «Конармии», стоящая в заголовке этих заметок, не заключена в кавычки и, к тому же, ключевое слово «потрясали» заменено на «волновали», чем заметно снижены ее экспрессия и накал.

Я сделал это, поверьте, не из-за плохого знания текста классика, а руководствуясь тем, что в таком виде это признание, звучащее у Бабея чуть ли с ни с библейским, во всяком случае – романтическим пафосом, больше соответствует характеру моего долголетнего общения с Евгением Михайловичем Голубовским, с Женей, которое длится уже более полувека. Сразу замечу, что наши жены – Валентина и Татьяна – познакомились несколькими годами раньше в одесском Гипрограде, где в молодости набирались стажа и опыта перед поступлением в вузы.

Наши семьи рядом и вместе всю сознательную жизнь.

Начну с топонимии и топографии. В одни и те же годы мы жили практически по соседству. В начале они на Кузнечной, мы на Садовой; затем соответственно на площади, ныне носящей имя Бориса Деревянко, и Якира (ныне – Ицхака Рабина); на ближних углах Большой Арнаутской и Успенской, да и сегодня – на одном троллейбусном маршруте, № 3, идущем к морю...

И работали с молодых лет в редакциях, находящихся на одном квартале Пушкинской и затем в одном здании – Комбината печати на Черемушках. С середины 90-х – и вовсе вместе. Вместе с Олегом Губарем создали журнал «Одесса» и альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Он выходит уже 16 лет (рекорд для подобных одесских изданий за всю историю города), и в нем поочередно публиковались материалы, посвященные нашим юбилеям,

и вот в нынешнем номере мы отмечаем круглую и знаменательную годовщину Евгения.

В этом выпуске опубликованы две статьи Голубовского. Он, человек многосторонних способностей и навыков, работал большую часть жизни в, по сути, ежедневных изданиях. Он, как и я, подчинялся требованиям редактора и руководствовался нуждами газеты. Мы писали на разные темы, но для Жени самыми желанными и актуальными были публикации, посвященные литературе и искусству, главным образом изобразительному. И поиск материалов о знаковых личностях – зачастую опальных в советское время, и творческие портреты известных художников, и открытие новых имен, тех, кто искал себя в творческих экспериментах. Многие из них нынче признанные мастера. К примеру, Олег Волошинов, о котором Голубовский пишет с этим номере. И еще в нем содержательная и вместе с тем личностная статья о том, как он начал собирать старые раритетные издания, посвященные авангарду, и какие встречи были на этом пути.

Я занимался в газетах, да и в жизни, практически теми же темами и так же, как Женя, организовывал выставки молодых и не признанных художников, создавал творческие объединения, в том числе и центры современного искусства. Но, и это важно, я был моложе и во многом шел по пути, проложенному Голубовским. Я был школьником, когда он, студент политехнического института, был подвергнут жестоким преследованиям за то, что познакомил своих соучеников, да и вообще многих одесситов, с творчеством... импрессионистов. От исключения из вуза его спас Илья Эренбург.

И эта знаковая фамилия – далеко не единственная в перечне выдающихся писателей, поэтов, художников, искусство- и литературоведов, собирателей, живущих по всему миру, с которыми Евгения Михайловича связывают и профессиональные, и дружеские отношения, плодами которых питаются и наши музеи, и библиотеки, и наш альманах.

Понимаю и даже ощущаю дискомфорт оттого, что некоторые из читающих эти строки скептически, если не более остро, реагируют на то, что я в материале, посвященном Евгению Голубовскому, вспоминаю и о себе, но ведь нас, знающих друг друга с мо-

лодых лет, помнящих друг друга полными стремлений и надежд, переживших многое и что-то сделавших в силу возможностей и способностей, осталось мало. И кто же еще, кроме нас, помнит то время, когда мы были молодыми и чужь прекрасную несли...

Что делать, если и работы одесских художников, многим из которых мы помогали в трудные для них и нас годы, Женя и я начали собирать практически одновременно – он, разумеется, раньше, и мне приходилось догонять...

В дни, предшествующие юбилею Евгения Голубовского, в Одессе был реализован масштабный международный проект Музея современного искусства и группы молодых кураторов «Свободная зона», где был раздел «Теофил Фраерман и его ученики», знатоком творчества которых он является; в Литературном музее экспонировалась выставка, посвященная Владимиру (Зееву) Жаботинскому, произведения которого впервые в советские и постсоветские годы вышли в Одессе его тщаниями, при его активном участии состоялись открытия мемориальных досок Владимиру Хдебникову и Давиду Бурлюку; идет подготовка к юбилею Василия Кандинского...

И это лишь часть важных, но и повседневных дел Евгения. А еще – клуб «Зеленая лампа» и газета «Всемирные одесские новости»: он ее создатель и редактор. Вице-президент Всемирного клуба одесситов, кавалер ордена Маразли, мой товарищ.

Р. С. Перечитал эти заметки и понял, что все же необходимо привести здесь цитату из «Конармии», чтобы наши читатели, особенно молодые, сполна оценили и темперамент, и необыкновенную образность прозы Исаака Эммануиловича:

«Нас потрясли одинаковые страсти. Мы оба (персонаж повествования – кавалерист Хлебников. – **Ф. К.**) смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

